

ГИЛЬБЕРТ ПОРРЕТАНСКИЙ О СООТНОШЕНИИ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Р.А. ДУРКИН

Гильберт Порретанский (1085/1090 – 1154, он же – Жильбер из Пуатье) по праву считается одним из виднейших схоластов XII в. Его влияние на развитие философии и теологии в Средние века поистине огромно¹. После осуждения на соборе в Реймсе в 1148 г. труды Гильберта были вычеркнуты из списка чтения теологов, однако анализ сочинений его более именитых современников, большинство из которых было его оппонентами, показывает, что «Комментарии» епископа Пуатье на корпус теологических трактатов Боэция фактически сформировали тематический спектр теологических построений вплоть до конца XII в. и, наряду с сочинениями Петра Абеляра, способствовали усвоению средневековой схоластики новых подходов, оказавших принципиальное влияние на ее рационализацию. В настоящей статье мы рассмотрим основные взгляды Гильберта на вопрос о статусе философии и теологии в познавательной деятельности человека, надеясь, что наше скромное исследование прояснит некоторые аспекты его учения, пока еще мало известного русскоязычному читателю².

Эпистемологическая система Гильберта Порретанского примечательна наличием в ней довольно последовательного учения о диверсификации областей теоретического знания и познавательных способностей человека. Прежде всего, знание следует разделить на конкретно-практическое (например, медицина) и теоретическое (спекулятивное). За пределы этой классификации Гильберт решает вынести практические по содержанию дисциплины, которые по сути являются спекулятивными — этику и логику, так как эти науки не связаны с миром естественных явлений. Как процесс освоения реального и анализ возможного (но не реального), естественное теоретическое знание (т.е. теоретическое знание за исключением этики и логики) имеет три плоскости: познание естественное (*naturalis*), математическое (*mathematica*) и теологическое (*theologica*). Естественное познание имеет предметом конкретные (*inabstracta*) вещи, т.е. те, что обнаруживаются только в материи и пребывают в движении (*in motu*). Материальному не свойственна простота, каждая вещь познается в своей отделенности и неопределенности ее конкретного состояния³.

Математика названа Гильбертом неабстрактной в том смысле, что формы, с которыми математика имеет дело, существуют в конкретных вещах и не могут каким-либо образом существовать иначе. В то же время математика именуется спекулятивной наукой, так как эти формы рассматриваются отдельно от материальных вещей и без движения. И если в естественном познании говорят о «конкретном»,

где род высказывается о виде, то в математических науках говорят об «индивидуальном». Правильнее будет передать мысль Гильберта замечанием, что математическое познание имеет дело со своим предметом не напрямую, а опосредовано, через его (предмета) следствия, через «силу результата»⁴. Когда Гильберт говорит о математическом познании, под «математикой» понимается не просто наука о числах. Под математическим знанием следует понимать квадриум, который представлял собой в Средние века синтез арифметики, геометрии, астрономии и музыки (как науки о гармонии звуков). Области знания выделяются им не по специфическому предмету, а по своеобразию того уровня реальности, на котором эта область акцентирована. Хотя основание подобного деления не названо Гильбертом явно, очевидно, оно имеет скорее гносеологическую природу в большей степени, нежели онтологическую. Так, математическое знание есть знание, исследующее чистую конкретность, в ее обособленности от материальной составляющей.

Теологическое знание не вступает в противоречие с естественным и математическим, так как теология изучает форму всего — форму форм. Как способ освоения действительности, имея своим специфическим предметом Бога, теология не обходит своим вниманием также и тварные вещи, но рассматривает их освобожденными посредством интеллектуальной абстракции от материальности и движения. Теология изучает свой предмет без движения (*sine motu*), отвлеченно (*abstracta*) и обособленно (*separabilis*).

Характерная особенность теологического познания состоит, по мнению Гильберта, в том, что его специфический предмет, т.е. Бог, поддается информативному описанию исключительно в рамках теологии. Физика и математика могут сказать о Боге: «...есть нечто», — и не более того. Поэтому теология неизбежно становится замкнутой, самодостаточной системой терминов и концептов. И метод, и предмет теологии поддается адекватному применению и восприятию только внутри этой системы. Бог — «особая форма», форма без материи — требует именно теологического описания (так же и категории сущности, идеи и первоматерии не могут быть в полной мере описаны физикой или математикой).

Отчего недопустимо воспринимать Бога так же, как и вещи естественного мира, т.е. посредством методов и категорий физики? Для ответа на этот вопрос Гильберт приводит рассуждение о процессе познания и его механизмах. Душа познает природу путано. Полученные данные органов чувств очищаются от примесей посредством абстрагирующей способности разума: «Называется интеллектом способность, которая в сходстве и разнообразии вещей вначале тщательно исследует, а затем усваивает, через сходство [с другими] или иным способом выделит и, заточенным острием ума изучив [его],

выразит согласие чувствам»⁵. Отметим, что Гильберт далее явно злоупотребляет автономизацией разума и рассудка от ощущений. Например, более красноватое от менее красноватого (или разницу длин, схожих по размеру линий) способен отличить именно разум в результате концентрации внимания, которое, по мнению Гильберта, есть атрибут не восприятия, а именно рассудка. В этой деятельности разум руководствуется образцами, которые пребывают в самой душе. В этом сопоставлении вещей и образцов внутри душ и заключается абстрагирующая способность разума. Но как в этом случае разум воспринимает Бога, которому образцов в человеческой душе (подобных тем, что соответствуют тварным вещам) существовать не может? «Бог же есть сущность, и ничто другое. И нельзя представить Его тварной субсистенцией. Поэтому ничего того, что связано с субсистенциями, в Нем не может быть... Оттого человеческая душа в своих стремлениях не может ничего обнаружить подобного Ему»⁶. Резюмируя идею Гильберта, отметим, что теологическое познание в этом случае не ограничено именно способностями разума, а, в первую очередь, есть познание интуитивное — познание «каким-то образом», т.е. непосредственно душой. Так, теологическое познание может быть целиком оторвано от чувственного восприятия и связанного с ним интеллекта. Это названо Гильбертом «собственными актами разума» (*rationis proprio actu*) в противопоставление познанию, «проистекающему от тела» (*corporibus manentes*)⁷.

Важное отличие теологического знания заключается еще и в том, что, строго говоря, теологическое знание есть не знание, а мнение. Мнение есть способ высказывания о несуществующем⁸. В этом контексте Бог есть несуществующее, и высказывания о нем можно было бы отнести к области фантазии (по гильбертовой классификации гносеологических возможностей человека), если бы не усилие веры, позволяющее обозначить реальность Бога. Этот факт не должен смущать читателя, так как, с точки зрения Гильберта, единственное, что отличает фантазию от «совершенного интеллекта» — заведомое отсутствие доверия к предмету⁹. (Фантазия при этом продолжает именоваться интеллектуальной способностью, но несовершенной.) Воображаемые вещи могут быть постигнуты интеллектом и познаны. Эта концепция развивает идею Боэция, выделявшего в разумной деятельности «размышление об отсутствующем»¹⁰. Таким образом, интеллектом может быть постигнуто и то, чего нет (т.е. то, что не является природой). Для сравнения заметим, что Бернар Клервосский, оппонент Гильберта, разделял знание и мнение по другому основанию: знание всегда истинно, мнение лишь правдоподобно — то, о чем неизвестно, что оно ложно.

Истина теологии не доказывается, а провозглашается верой¹¹. (Отметим, что априорные математические истины, однако, тоже не до-

казываются, но лишь потому, что «нет здравых разумов человеческих, это отрицающих»¹².) Теологическое знание есть «свет лика Господа» (*lumen vultus Domini*), источником которого является сам Бог. Вполне естественно, что первостепенный вопрос о соотношении веры и разума Гильберт ожидаемо решает в ключе, свойственном его эпохе, принимая доктрину «*Credo ut intelligam*» Ансельма Кентерберийского: «В теологии же, где есть необходимость правдивого именования, причем безусловная, не разум [опережает] веру, а вера опережает разум. И в ней [мы] не познавая верим, а веруя познаем»¹³.

Чрезвычайно трудным оказывается в этой связи вопрос, как могут быть соотнесены две характеристики теологического познания, согласно которым теология есть, с одной стороны, область интеллектуального знания, а с другой — результат самораскрытия Бога и озарения под действием благодати? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к рассуждению о природе религиозной веры. Прежде всего, необходимо отметить, что Гильберт формулирует более широкое определение веры, нежели обычно используется в христианской религиозной философии, где под верой понимается убежденность относительно сущностей невидимого мира. Человеческое познание имеет своей причиной божественную благодать. Мы познаем не настолько, насколько можем воспринять (*invenerim*), а насколько «свет божественного могущества [позволяет] огоньку нашего сознания; т.е. насколько моей природной способности открывается благодатное божественное сияние»¹⁴. Фундаментальные принципы христианской теологии подразумевают возможность познания Бога самого по себе. Такая точка зрения является следствием представления Гильберта о том, что подлинная вера есть предвкушение вечного блаженства праведников, которое заключается в непосредственном созерцании Бога. Когда Бог позволяет человеку созерцать Себя в вере, человек возвращается к состоянию подобия Богу, которое было утрачено в грехопадении.

Отметим, что Гильберт не согласен, будто теолог ограничен именно в познавательных способностях. Правильнее, с его точки зрения, сказать, что теолог ограничен в описательных способностях: он должен оставаться кратким в своих суждениях и всегда вынужден добавлять к любому из них «насколько возможно говорить» или «насколько возможно мыслить». Однако вынести суждение теолог способен относительно любого вопроса. Критерий здесь — логическая истинность формы высказывания и адекватность его дескриптивного содержания.

Естественно, Гильберт не может отказаться от допущения наличия некоторых догматов, не подлежащих рациональному толкованию и доказательству, — тех, что должны быть приняты верой на основании церковных авторитетов. Интересно при этом, что, по убеждению

Гильберта, насилия над разумом здесь не происходит: церковная вера априори находится в согласии с доводами разума и разум оттого является надежным критерием подлинности учения. Однако набор догматов, которые, по его мнению, разумно не доказуемы, у Гильберта заметно меньше, чем это можно видеть в трудах его современников. Например, догмат о двух природах Христа может, по его мнению, быть установлен рациональным путем.

Как известно, истинность высказывания (верификация которого должна начинаться с деления его на элементарные силлогизмы) определяется его логической формой и соблюдением правил надлежащего употребления дескриптивных переменных. Если истинность логической формы устанавливается сравнительно просто, то определить адекватность употребления терминов оказывается очень сложной задачей: ошибки здесь особенно опасны тем, что остаются незамеченными, как это случилось с арианской ересью, появление которой Гильберт, развивая идею Августина, склонен объяснять ошибочным контекстом, в который было помещено учение о Троице. В русле этого подхода Гильберт ставит задачу пересмотреть теологические построения с целью уточнения значений терминов и концепций.

Именно здесь начинается рассуждение о статусе и роли философии. Философия есть область знания, промежуточная между теологией и естественными дисциплинами, а также между последними по отдельности¹⁵. Задача философии — преобразовывать концепты естественных наук для их употребления в теологии, и наоборот. Поэтому ключевое значение в философии Гильберт отводил вопросу об эквивокации. Термин «эквивокация» имеет длительную историю и трудно определим однозначно. В сочинениях Гильберта эквивокацией называется разноосмысленность терминов, употребляемых в различных онтологических контекстах. Если контексты противоречат друг другу, то употребление одного и того же термина без дополнительных уточнений оказывается неадекватным. Инструментальной частью философии, предназначенной для обслуживания нужд теологической терминологии, выступает в этом отношении логика. Учение Гильберта о языке находится в близкой связи с онтологическими идеями. Рассуждение о природе языка является ключевым звеном в сопоставлении философского и теологического рассуждений.

Сказанное о значении терминов в полной мере относится и к правилам, которыми следует руководствоваться в рассуждении. Гносеология Гильберта и его учение о делении и статусе наук находится в прямой связи с идеями (своими корнями уходящей во Вторую Аналитику Аристотеля¹⁶), что в любой области познания есть общие с другими областями основания (*communes rationes*) и основания собственные (*propriae rationes*)¹⁷. Разница между ними не может быть определена точно и в полной мере. Конкретная закономерность явля-

ется «собственной» для одной науки и в определенном смысле и в то же время общей с точки зрения ее применения в другой науке, причем уже в ином смысле. Оттого существуют, например, дихотомически противоречащие друг другу утверждения, равно истинные или равно ложные, что обусловлено тем, что эти утверждения принадлежат разным дискурсам, внутри которых не только термины, но и предикаты имеют разные значения. Вместе с тем существует некоторое общее содержание, которое наличествует в каждой области знания. Общие правила, однако, будучи приложенными к отдельным наукам, должны быть адаптированы к роду объектов конкретной науки, равно как и к ее специфическому методу. По этой причине, если мы утверждаем, что возможно использование общего правила в других науках, помимо той, в которой оно было обнаружено и сформулировано, необходимо установить схожесть (т.е. «соотношение» — *proportio*) между объектами этих наук. Роль агента установления подобных зависимостей, как уже было сказано, отводится Гильбертом философии. В каждой области знания следует принять во внимание, какие правила являются специфическими для конкретной науки, а какие являются общими с другими науками. Однако даже во втором случае перенос *communes rationes* требует их уточнения для приложения к новому предмету.

Как мы уже отметили, ключевое значение в отделении теологического знания от естественного имеет различие их методов: теология есть особый способ представления божественного. Если теологическое знание исходит из единичности и простоты бытия, то естественное — наоборот, из «легко исчисляемого разнообразия»¹⁸. Нельзя сказать, что одному пути придается превосходство над другим. Диалектическое умозрение допускает рассмотрение абстрактного в конкретных формах, но и конкретное также можно рассматривать абстрактно¹⁹.

Сложность теологического дискурса заключается в том, что совершенно недопустимо использовать модели естественного познания применительно к теологическому предмету, и наоборот. Эта точка зрения берет свое начало, как известно, от Августина, считавшего, что ошибки в теологии происходят от перенесения естественного знания на область божественного бытия. Одним словом, теология не должна использовать *rationes proprie* других наук. При переходе от натурального к теологическому рассуждению термины и правила дискурса неизбежно меняют свое значение. Однако ввиду того, что теология не может обрести свой собственный методологический аппарат и собственную терминологию по причине абсолютной трансцендентности своего предмета, она заимствует понятия от естественных наук, предварительно изменяя (*transferentes*) их²⁰. При этом следует отметить, что в рамках этой концепции суждение о множественности имен Бога следует отнести сугубо к области церковной гомилетики и вряд ли оно может быть транслировано в область теологии.

Что касается *communes rationes*, то перед теологией встает задача определить, какие из них могут быть перенесены внутрь теологического познания и использованы в нем. Употребление естественных терминов в их «посюстороннем» значении в теологии может быть лишь неадекватным (за исключением их употребления в апофатической теологии, когда естественные термины отрицаются в отношении Бога)²¹. Также и модусы, продуцируемые теологией на основе терминов естественного знания, нуждаются в уточнении (по той причине, что универсум этих модусов оказывается бесконечно многообразным). Так, сложность теологии и логики как посредника между естественным и теологическим знанием заключается в том, чтобы определить особенности и допустимость таких переходов²². Свою мысль Гильберт иллюстрирует, например, таким соображением. Если мы говорим, что все творение является благом, по добродетели или по природе, то придется признать, что сущностно все творение идентично всеблагому Богу, что абсурдно²³. Однако такое высказывание происходит не из естественного знания, а является суждением этики, которая в данном случае заимствует термины и модели суждений из теологического дискурса (в то же время, вторая — разоблачающая — часть этого высказывания подразумевает чисто теологическое умозаключение). Таким образом, осуществляя трансумпцию между понятиями теологии и этики, необходимо установить точное значение и контекст употребления терминов. В данном случае правильным будет высказывание о действительной благодати тварных вещей вследствие их причастности к благодати Бога. Конечно, суждения, получаемые из терминов, в отношении которых проведены подобные уточнения для дальнейшего использования их в теологических рассуждениях, оказываются уже непригодными для их привычного, т.е. буквального, употребления. Подобных примеров Гильберт приводит огромное множество.

В заключение отметим важный аспект концепции Гильберта о соотношении теологического познания и естественной философии. Кажется логичным экстенсивно расширить область применения теологического метода, но тем не менее вряд ли можно сказать, будто Гильберт допускает возможность теологии в сугубо научном аспекте.

Несомненно, теология преследует, прежде всего, экклесиологические задачи. Ее главная цель состоит в обличении сторонников еретических убеждений (однако только тех из них, кто оказался в ереси «по стечению обстоятельств»). В этом случае теология должна редуцировать свое содержание до необходимого уровня и обосновать истинные взгляды на основании верных допущений, из которых впоследствии были выведены ошибочные суждения. (Превентивное предотвращение еретических дедукций при этом затруднительно и носит случайный характер.)

Установление теологии в качестве научной дисциплины требует не только уточнения концепций, но и переноса в область теологии самой структуры научного познания. Проблема, прежде всего, заключается в том, что установление меры *proportio* между двумя областями знания возможно только в случае, если нам известны объекты обеих, что принципиально невозможно в случае теологии. Тот факт, что Гильберт не уточняет этот вопрос, объясняется трояко: во-первых, аристотелевская эпистемологическая программа в это время еще не получила своего законченного развития, отчего необходимость сциентистской апологии теологического познания для Гильберта не очевидна; во-вторых, специфическое представление об интуитивной природе теологического познания несовместимо с принципами естественных наук, так как ограничивает и ставит под сомнение присущие им методы; в-третьих, индуктивный характер теологического познания является несомненным препятствием для непосредственного соотнесения границ теологии и естественных наук. Гильберт не распространяется подробно по вопросу о гармонии веры и разума и не дает точных указаний, каким образом достигается эта гармония: «И если сможешь, каким-либо образом сочетай веру и разум, но, разумеется, чтобы прежде верой управлялся разум, а затем — с разумностью согласовывалась и вера»²⁴.

Познание естественного мира, в основе которого лежит «первая философия», имеет целью установление истинных закономерностей, однако ошибочно полагать, что выявленные закономерности в тварном мире носят всецело необходимый характер, — такое суждение противоречит всемогуществу Бога. Законы природы не являются ни универсальными, ни необходимыми. Согласно идее Гильберта, теологическое знание, превосходя естественное по характеру своего объекта, предоставляет базис для объяснения самой рациональности, являющийся основанием и регулятором для любого иного знания. «Ибо порядок, который дан от Бога, для веры [быть по значимости] перед суждениями рассудка, и в теологическом, и даже в том, что ничтожнее теологического: без сомнений, порядок этой вселенной сделал основанием веру для природного и для других такого рода суждений философов. Действительно, и в области естественного, и в других целиком рациональных областях, но невещественных, вера превосходит [разум], и вера сильнее, превышает разума, и всему дает оценку. Таким образом, не только в теологической, но во всех интеллигибельных вещах церковная вера справедливо зовется “основоположением” (*exordium*); и в сущностях, которые неизменны, и в вещах изменчивых [она] есть подлиннейший и прочнейший фундамент»²⁵. В этом смысле нельзя утверждать, что философия является «служанкой богословия», так как это подразумевало бы некий принципиально автономный характер философии, что, в контексте описанного нами

учения, представляется невозможным. Теология, будучи определенной таким образом, сообщает прочим наукам основание для рассмотрения собственных предметов и, с другой стороны, объединяет все науки о мире как божественном творении вокруг собственного учения о его Творце.

Подводя итог нашей работе, еще раз отметим главную идею Гильберта Порретанского. В теологическом рассуждении — предельно достоверном знании о Боге и религиозной реальности — очевидна необходимость осторожного и точного употребления терминов. Не случайно современные премонстранты называют Гильберта *magister nominatissimus* и говорят, что он прославился своей «утонченной» терминологией. Так или иначе, рациональная теология является раскрытием и развертыванием Откровения. Невнимательное применение естественных категорий неизбежно искажает природу Бога для человеческого понимания, поэтому первейшей задачей теологического рассуждения является выработка диалектического инструментария точных терминов и мыслительных конструкций. Именно философия является (и здесь — углубление учения Аристотеля о логике как пропедевтике ко всему комплексу наук) методологической основой трансумпции — переноса терминов из дисциплин естественного знания в область знания теологического и формулирования на их основе языка теологии, который является базисом теологического дискурса. В свете этого абсолютно точным выглядит суждение, что Гильберт Порретанский оказался одним из мыслителей, обусловивших становление теологии как самостоятельного сектора рациональной интеллектуальной деятельности и тем самым оказавших огромное влияние на развитие интеллектуальной культуры средневековой Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Commentaries on Boethius by Gilbert of Poitiers / ed. by N.M. Häring. — Toronto, 1966. P. 13 — 43.

² На данный момент на русский язык переведен только фрагмент из его Комментария к трактату Боэция «Против Евтихия и Нестория» (MPL. Vol. 64. Col. 1360 — 1368). Перевод выполнен А. Коробковым и С. Неретиной по изданию: Н.М. Харинга (Toronto, 1966) и включен в «Антологию средневековой мысли» (СПб.: РХГИ, 2001. В 2 т. Т. 1. С. 380 — 402). Перевод сопровождается статьей С. Неретиной (С. 372 — 379). Некоторые аспекты творчества Гильберта в контексте средневековой тропологии проанализированы: *Неретина С.С.* Тропы и концепты. — М.: ИФ РАН, 1999. Краткий обзор его теологии см.: *Фокин А.Р.* Гильберт Порретанский // Православная энциклопедия. Т. 11. С. 468 — 473. *Шишков А.М.* Средневековая интеллектуальная культура. — М., 2003. С. 69 — 74. *Штёкль А.* История средневековой философии. — М.: Изд-во В.М. Саблина, 1912. С. 145 — 148. О полемике Гильберта с Бернаром Клервосским в контексте развития средневековой мысли см.: *Маслов Д.К.* О спорах Бернара Клервосского с Петром Абеляром и

Гильбертом Порретанским // Вестник Московского университета. Серия 7. 2008. № 1. С. 43 – 60.

³ *Gisleberti Pictavensis Episcopi Expositio in Boecii...* // The Commentaries on Boethius by Gilbert of Poitiers / ed. by N.M. Häring. – Toronto, 1966. P. 79 : 42 – 80 : 55.

⁴ Ibid. P. 245 : 80 – 81.

⁵ Ibid. P. 246 : 10 – 14.

⁶ Ibid. P. 247 : 24 – 34.

⁷ Ibid. P. 252 : 72 – 74.

⁸ Ibid. P. 247 : 41 – 44.

⁹ Ibid. P. 249 : 89 – 95.

¹⁰ См.: Бозэций А.М.Т.С. «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1990. С. 355 – 356.

¹¹ *Gisleberti Pictavensis Episcopi Expositio in Boecii...* P. 164 : 42 – 44.

¹² Ibid. P. 191 : 97.

¹³ Ibid. P. 164 : 42 – 44.

¹⁴ Ibid. P. 65 : 89 – 91.

¹⁵ Ibid. P. 294 : 88 – 93.

¹⁶ См.: Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 2 / пер. Б.А. Фохта. – М.: Мысль, 1978. С. 327 – 328.

¹⁷ *Gisleberti Pictavensis Episcopi Expositio in Boecii...* P. 57 : 1 – 2.

¹⁸ Ibid. P. 61 : 26 – 62 : 1.

¹⁹ Ibid. P. 85 : 1 – 5.

²⁰ Ibid. P. 164 : 24.

²¹ Ibid. P. 161 : 24 – 162 : 34.

²² Ibid. P. 119 : 28 – 31.

²³ Ibid. P. 227 : 57 – 62.

²⁴ Ibid. P. 180 : 25 – 27.

²⁵ Ibid. P. 164 : 48 – 165 : 57.

Аннотация

В статье рассмотрены взгляды Гильберта Порретанского (1085/1090 – 1154) на вопрос о статусе философского и теологического знания. Описывается проводимое мыслителем разделение областей теоретического знания, излагаются его воззрения на специфику теологического познания и задачи философии в связи с этим. Предлагается краткий анализ возможности теологии как научного знания в контексте учения Гильберта.

Ключевые слова: Гильберт Порретанский, средневековая философия, теология, эквивокация.

Summary

The article examines the views of Gilbert of Poitiers (1085/1090 – 1154) on the status of philosophical and theological knowledge. The author describes the thinker's distinction in fields of theoretical knowledge, recounts his views on the specifics of theological knowledge and the challenges it poses to philosophy, and offers a short analysis of how theology may be possible as scientific knowledge in light of Gilbert's doctrine.

Keywords: Gilbert of Poitiers, medieval philosophy, theology, equivocation.